

* * *

Я — Россия.

Над горькой землёй возреяв,
Дым и пепел смиряют

имперский жар.

Я не дам в обиду моих евреев,
И мою Чечню, и моих татар...

Не без грешников в нашем

засечном стане,

Но попробуй изъять из моих

глубин

Голубиные рокоты Пиросмани

И лозы кахетинской живой

рубин...

Да, ладони мои — и нежны, и

грубы,

Но любовь так искренна и

чиста,

Что дробят мне дыхание ритмы

Кубы —

И огонь Хиросимы палит уста

До сих пор...

При петливой степной дороге,

Там, где братской рукой

уничтожен брат,

Льются слёзы мои, и мои

тревоги

Умножаются по миру во сто крат.

Да, как ржавая жечь, мои
тайны пёстры, —
Но когда пожар в дому
лютовал,
Дорогие братья мои и сёстры,
Кто вступался? Кто руку вам
подавал?
Да, на вечность вперёд
провиденье слепо:
Дождь смывает следы, время
стены ест...
Кто ж за русских заступится?
Только небо.
Богородицын плат. Нерушимый
крест.

* * *

Ширвани Чалаеву

На грани вдохновенья и
рассудка —
В междоусобье угля и огня —
Становится серебряно и жутко,
И чёрный ливень льётся сквозь
меня.

И дерево, и камень, и заката
Кровавое спадает полотно...
Певец, взгляни: твоя трава
не смята,
Твоё не распечатано вино...

Не найдены ключи к твоим
подвалам,
И женщина не названа твоя...
Аллах акбар! Под рыцарским
забралом
Струится смерть, как лунная
змея.

Душа от цитадели откололась —
И унеслась потоками со скал...

О, если б мог мой обречённый
голос
Вернуть долги, которых ты
взыскал!

Но песнь растёт — так пламенно
и долго —
Так льнёт переплетаться с нитью
нить,
Что нет на свете долга, кроме
долга —
Отдать, озвучить и соединить...

САД СНОВ

Михаилу Броннеру

Вот скрипочка свою
босую тянет нить,
за ручку держит
деревце нагое...
И коротко — шагнуть,
и боязно — ступить
на ткань сквозящую
нетвёрдою ногою.

В ветвях запуталась
медяница-змея
и каплет оловом
в оранжевые клювы:
гудёт зелёный шум
в оркестре бытия,
под рампой на ветру
колдуют стеклодувы.

* * *

Да — всё отвергнуть или всё
принять,
Неся свой крест среди сестёр и
братьев...

Так есть и будет: время
 обнимать,
 И время — уклоняться от
 объятий!
 Когда весь мир — театр и
 Колизей,
 Финал — открыт, но финиш —
 предсказуем,
 Бегу подобострастия друзей...
 Но ведь Распятый — в кротости
 своей —
 Ничьим не погнушался
 поцелуем?!

КОЙСУ

Миясат Муслимовой

Так реки Лакии — текут или
 поют —
 В пульсирующем каменном
 свеченье,
 И шёпоты садов — затишье и
 уют —
 И бляенье отар — по склонам там
 и тут —
 Протяжные слова их стройного
 реченья...

Застенок или путь — теснины
 этих гор?
 Под взорами орлов ты извилась
 тесьмою,
 Как будто впереди
 предсказанный простор,
 Неведомый твоим излукам до
 сих пор,
 Сулит проклятие или грозит
 тюрьмою,

И голос твой дрожит —
 вселенский плач и стон
 Тебя преследуют предчувствием
 тяжёлым,
 Что на тебя с высот кренится
 царский трон,
 Вот-вот низринется обвал со
 всех сторон,
 И смертоносный сель
 прокатится по сёлам...

Ты прячешься в камнях, ты
 замедляешь ход,
 Ты сводишь берега, как раненные
 плечи,
 И зимняя тоска тебе на грудь
 кладёт
 Неотвратимый снег и
 неделимый лёд,
 И еле слышатся тогда речные
 речи.

Но сон твой короток... ведь
 рекам не до сна,
 Когда живая кровь толкается в
 истоках...
 Минуют холода, и новая весна
 До самого тебя распеленает дна,
 И ты воспрянешь — дело только
 в сроках!

* * *

В.А.

Капитан секретного фрегата,
 Пролагаю неуклонный курс...
 Соль столетий — чем душа
 богата, —
 Мой неисчерпаемый ресурс.

Где пристать крылатому не
мелко,

На зюйд-вест или норд-ост
идти?

Укажи, настойчивая стрелка,
Направленья верного пути,

Чтобы избежать соблазна
кривдой,

Чтоб, стремясь на еле слышный
зов,

Просквозил меж Сциллой и
Харибдой

Шёлк моих багряных парусов,

И когда, исчадь брызг и пены,
Встанет смертный морок надо
мною,

Чтобы не сподобились сирены
Оплести сознание пленой

Умопомрачительного яда...
Мачта из архангельской сосны —
Это всё, что для опоры надо
Вестникам надежды и весны!

Вей, декабрьский ветер, вьюгой
рея,

Холоди тугие вены рей!
Пусть летит сквозь ночь путём
Борея
Флот моих упрямых декабрей!

Где-то, на краю грядущей бури,
В гавани, далёкой, как рассвет,
Я ещё глотну твоей лазури,
Берег вдохновений и побед!

* * *

Я говорю себе: забудь!
Я говорю себе: прости!

Я говорю: свободен путь,
Свободны разные пути!

В огне плясать, гореть во льду,
Дождём долбить земную
твердь,

В раю терзаться и в аду,
Влюбляться в собственную
смерть:

В её сверлящие зрачки,
В бунтующую немоту,
В подвалы, свалки, чердаки,
В свет, не заметный на свету...

Забывать — забуду. Ерунда.
Не привыкать же — забывать!
Но нет дороги — не туда...
Не обогнуть... не миновать...

* * *

Не потому я изгнана из Рая,
Что к знанию осмелилась
припасть!
Свобода, бесконечно дорогая,
Во мне Твою предвосхитила
власть.

Ты прав, Господь, что не
вложил мне в руки
Готовых истин круглые плоды:
Души неисцеляемые муки
Не горше тех, что молча
вынес Ты.

РОДНАЯ РЕЧЬ

Чертёж невозмутимой правоты —
Двуглавый византиец — здесь
и ныне.

Кость мамонта — точёные черты
В тебе сосредоточенной латыни.

Шаг эллинский. Чекан
монгольских сбруй.
Норд-вест, по скифской
вьющийся основе.
Кипение глубинных древних
струй —
В любом твоём созвучии и
слове.

Дышать тобою — или прахом
лечь,
Солончаковой горечью
бесплодной.
Понять тебя — из мрака свет
извлечь,
Судьбою становящаяся речь
Несокрушимой памяти
народной.

* * *

Меж нами — хаос или космос?
Растущее, как снежный ком...
Какая, друг мой, блажь и
костость —
Искать пристанища в другом!

Душа нетленная — комочек,
Меж нами дышащий... прости!
Соблазн рифмующихся строчек
Ты смог бы сам перенести?

Перевести сей вздох безмерный
На существующий язык?
Меня б согрел и спички серной
Чуть видимый дрожащий лик...

Но завтра — огненные горы
Сойдутся в круг у белых вод,

И что-то, лёгкое, как взоры,
От нас ещё произойдёт...

* * *

То ли там колодезь, то ли
банечка...
Ржавое ведёрко на цепи...
Только не жалея Кощея,
Ванечка...
Собственного счастья не проспи!
Это всё твои причуды русские —
Жля да Карна в сущности
вещей...
А Кощеи — сроду — долгорукие!
Что ни долгорукий — то
Кощей...
Не гляди на эти зенки впалые
И не слушай стоны да мольбы...
Видишь, милый, лапы
шестипалые?
Слышишь рёв отравленной
толпы?

Укrotи сердечное стеснение,
А не то — не избежать беды...
Даже за посмертное спасение
Не давай проклятому воды!

* * *

*Мы живём, под собою не чуя
страны...
О.М.*

Мы живём в атмосфере
тотальной войны,
И достанется всем на орехи!
Наши лица друг другу за шаг
не видны,
А видны лишь грехи и огрехи.

То копыто, то хвост в
непроглядном чаду —
Приглядеться и стыдно, и
жалко.

Выгорает страна как болото
в аду
Или как подождённая свалка.

И припомнить-то нечего — не
разговор,
А долбёжка неписанных правил:
Кто смолчал — не солгал, кто не
пойман — не вор,
Кто юлил — тот следа не
оставил.

И не знаешь, которая рожа
мерзей, —
То ли враг, размалёванный
краской,
То ли пёстрые глазки недавних
друзей
Под небрежно наброшенной
маской...

И откуда-то сверху —
с вершины греха —
С окровавленной скользкой
арены —
Раздаётся «ха-ха»... и даёт
петуха
Виртуоз императорской сцены.

* * *
«Наш имперский микроб...»
Виктор Ерофеев

Боль моя, удушье окаянное,
Нет простора для души и
глаза...

Но встаёт, как облако туманное,
Надо мной святилище Кавказа —
В первом сне, в сосуде звона
гулкового —
Колоннады Божьего чертога...
Через Домодедово ли, Пулковое —
Всё равно... осталось так
немного!

Где без кисти, без резца и
шпателя —
Дерзновенным чадам в
наставленья —
Запечатлены рукой Создателя
Канувшие в бездну поколенья,

Где трава и камни — начертания
Тайных иероглифов завета,
Где вода бормочет причитания,
Где не знает тень пределов
света, —

Помня ли, во сне ль за правду
ратуя,
Вижу их, горянок в платьях
длинных,
Строгих, словно мраморные
статуи
На забытых миром Эскилинах —

Их сердца — испытанные
бедами —
Болью изливаются, как песней...
Наши судьбы связаны обетами,
Родиной земною и небесной.

Вдох — как целованье...
псалмопение —
Так дышать, как эти горы
дышат!

Попроси прощенья и терпения —
И Господь приникнет и
услышит!

Потому что истинного знания
За века не потемнела смальта,
Рвётся жизнь из-под руин
страдания,
Как трава сквозь трещины
асфальта!

О, Кавказ, тоску вражды и
мщения
Утолив на переправе дальней,
Русский дух взыскует очищения
В роковой твоей исповедалине.

Верю: не всеилен бес
растления —
Он твою крепостью преткнётся!
Вот моё имперское мышление —
Было и доселе остаётся.

